

Скоропанова Ирина Степановна

доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
русской литературы
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Skoropanova Irina Stepanovna

Habilitated Doctor of Philology,
Professor, Professor of The
Department of Russian Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
Skoropanoval@bsu.by

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАТУРАЛИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

TRANSFORMATION OF NATURALISM IN RUSSIAN LITERATURE
OF THE XX – BEGINNING XXI CENTURY

Впервые в литературоведческой науке прослеживается трансформация натурализма, вступающего в различные комбинации с реализмом, модернизмом, авангардизмом, постмодернизмом, порождая новые эстетические образования в русской литературе XX – начала XXI века. Раскрывается его роль как фактора разрушения всевозможных табу, сближения литературы с жизнью, тематического, образного, языкового обновления.

К л ю ч е в ы е с л о в а: натурализм; трансформация; новые аспекты жизни; природа человека; образная система; лексика.

For the first time in literary science the transformation of naturalism, which enters into various combinations with realism, modernism, avant-gardism, postmodernism, giving rise to new aesthetic formations in Russian literature of the 20th and early 21st centuries, is traced. Its role as a factor of destruction of all kinds of taboos, bringing literature closer to life, thematic, figurative, linguistic renewal is revealed.

К e y w o r d s: naturalism; transformation; new aspects of life; human nature; figurative system; lexicon.

Значение натурализма в развитии русской литературы изучено недостаточно, тогда как он сыграл свою роль в сближении искусства слова с жизнью и сегодня продолжает оставаться фактором противостояния накладываемым на литературу ограничениям и запретам.

Возникнув в литературах Франции, Италии, России, США в 60-70-е годы XIX века как литературное направление, натурализм сделал ставку на позитивизм (= научное знание) и обратился к постижению самой природы (= природы) человека – его биологии, физиологии, психики (включая патологию), отбросив восторжествовавшие к этому времени донаучные, чисто теоретические представления, культивировавшие концепцию «метафизического человека» и соотносимые с ней идеалы. Э. Золя, один из основоположников натурализма, писал: «...Я подразумеваю под этим аналитический

и экспериментальный метод, современное исследование, опирающееся на факты и человеческие документы» [1, с. 525], преломляемые через темперамент художника. Типизацию сменяет конкретный человек в его конкретных жизненных обстоятельствах, но изображаемый в каком-то новом для литературы аспекте, обнажающем определенные природные свойства человека. При этом воссоздание персонажей характеризуется безоценочностью – дабы исключить предзаданность, и влечет за собой бестенденциозную манеру письма. Новизна здесь (сравнительно с реализмом) методологическая и фактическая.

Открывавшаяся правда о человеке могла далеко не всех устраивать. Скажем, роман Э. Золя «Тереза Ракен» был оценен как «мерзость», «лужа грязи и крови». Похожая реакция на натурализм нередко будет заявлять о себе и в дальнейшем. Но, скажем, такая его ветвь, как *веризм* (от лат. *vero* – истинный, правдивый), наиболее характерная для Италии, получила признание.

В 1880 году здесь появился манифест итальянского натурализма (авторы – Дж. Верга и Л. Капуана), в котором провозглашалась первостепенная значимость фактов при повышенном внимании к тяжелому положению «низов» и детализированно-подробном воссоздании пороков общества с отсутствием авторского комментария.

Правда, не всегда натурализм обращен к так называемым «темным» сторонам жизни, о чем свидетельствует русская позитивистская проза 70-80-х годов XIX века, в целом ряде случаев сосредоточенная на выявлении новых примет жизни капитализирующейся России, представленных достаточно бестенденциозно, например, в «физиологических очерках», романах П. Боборыкина. Безоценочность описываемого, отсутствие в произведениях каких-то предлагаемых автором идеалов (требующих, что ни говори, верификации), вызывали осуждение критики, т. к. русская литература традиционно была учительской.

В более вызывающей форме активизируется натурализм в начале XX века, что связано с усилением свободолобивых настроений в российском обществе в канун первой русской революции. Проявилась потребность в освобождении от запретов и в литературе. Как самые характерные представители русского натурализма 900-х годов воспринимались авторы, обратившиеся к сфере сексуальной жизни и такой общественной «язве», как проституция: А. Амфитеатров (повести «Виктория Павловна», «Марья Лусьева», «Марья Лусьева за границей») и М. Арцыбашев (романы «Человеческая жизнь», «Санин», «У последней черты»). До них сколько-нибудь обстоятельный разработки в русской литературе эти вопросы не получили из-за церковной цензуры и постулируемых церковью моральных норм. Как наказуемый расценивался сам факт включения в литературу подвер-

гаемого ханжеско-пуританскому замалчиванию. Так, в 1890 году в России и США была запрещена отнюдь не натуралистическая повесть «Крейцера соната» Л. Толстого, а сам писатель был охарактеризован американским президентом Т. Рузвельтом как человек с извращенной половой моралью. И в начале XX века успех произведений на сексуальную тематику у читателей сопровождался их поношением в прессе и даже ссылкой А. Амфиатрова за «непристойные произведения» (как это формулировалось).

В романе же А. Куприна «Яма» заявила о себе тенденция скрещивания элементов поэтики натурализма и реализма, что попадает под классификацию неореализм. Данная тенденция стала определяющей в русской литературе XX столетия, трансформируясь лишь в том отношении, что наблюдается синтез элементов поэтики натурализма и модернизма либо синтез элементов поэтики натурализма и авангардизма, наконец, синтез элементов поэтики натурализма и постмодернизма.

С первым случаем мы встречаемся в ряде произведений Б. Пильняка 1920-х годов («Голой год», «Красное дерево» и др.). «Лучший отбор» из русских помянут в «Голом годе»: «кожаные люди в кожаных куртках» [2, с. 396], нацеленные на изменение жизни революционным путем, но все затмевает у Б. Пильняка влекущий за собой голод, разруху, смерть деструктивный хаос, сопутствующий революции и получающий натуралистическое выражение.

У начинавшего как конструктивист Ильи Сельвинского «Записки поэта» наряду с образностью вбирают в себя непарадный фактографический, документальный материал.

Немало натуралистически окрашенного абсурда в «Случаях» Д. Хармса и пьесах «Куприянов и Наташа», «Елка у Ивановых» А. Введенского, выступавших как младоавангардисты. Опубликовать свои произведения они не могли – натурализм вместе с авангардизмом из советской литературы вытесняется.

Во второй половине XX века, однако, начиная с периода «оттепели», искусственно изъятые традиции возвращаются в искусство слова в творчестве представителей андеграунда. Обретает он и некоторые новые качества, распространяясь не только на сферу изображаемого, но и на сам язык, что выражается в использовании обценной лексики. Прецедентным в данном отношении стал роман Э. Лимонова «Это я – Эдичка» (1979), созданный в духе панк-культуры и нарушающий устойчивые табу. Его эстетическую принадлежность Вик. Ерофеев определил как «грязный реализм», подразумевая синтез поэтики реализма и натурализма, включая и область языка. Действительно, реабилитируя сексуальную сферу жизни, автор пошел дальше предшественников, в том числе используя табуированное нецензурное просторечье для обозначения мужского и женского

половых членов и совершаемых сексуальных действий. Это далеко не все смогли принять. Э. Лимонов же разъяснял, что следовал правде жизни и пользовался тем языком, каким и все мужчины, говоря о сексе на неофициальном уровне. Связано это с отсутствием в русском языке окультуренной эротической лексики.

В родственном направлении двигались и некоторые иные представители «другой литературы» 1970–1980-х годов: В. Сорокин, Вик. Ерофеев С. Купряшина, Я. Могутин, Е. Мулярова, З. Китайцева, Б. Ширянов и др.. Обращаются они к таким новым для русской литературы советской эпохи явлениям действительности, как зомбификация, увлечение наркотиками, нетрадиционный секс и т. п., не чуждаются мата. Ненормативная лексика могла использоваться и в переносном смысле слова, комедийном значении, что демонстрируют «Лица соца» Г. Сапгира. Может она выступать и как вызов на цензурные запреты, скажем, в поэме «Умер Зеленый Шар» И. Холина.

В период начавшейся перестройки в связи со смягчением цензуры появляется такое течение как «жестокий» реализм. Для него характерно концентрированное изображение грубого, тяжелого, жестокого в жизни. В духе «физиологических» очерков здесь используется поэтика натурализма, скрещиваемая вместе с тем с поэтикой реализма. Персонажи таких произведений, как правило, люди опустившиеся, нравственно искалеченные – алкоголики, бомжи, проститутки либо жертвы аномального. Привлекли к себе внимание «Сельское кладбище» С. Каледина, «Одлян» Л. Габышева, «Кабирия с Обводного канала» М. Палей. Градус правдивого в литературе повысился.

Заметным явлением эмигрантской литературно-художественной жизни этих лет стал *вивризм* (от фр. *vivre* – жить), культивировавшийся Владимиром Котляровым или Тóлстым, в его парижском скворте. *Вивризм* практиковал свободную жизнь-игру, отбрасывающую всевозможные табу, для полноценной (как считалось здесь) самореализации личности, включая бытовой, сексуальный, галлюциногенный, творческий аспекты. В этой среде создавалась и свободная от запретов поэзия авангардистского типа, вбиравшая не только натуралистические описания, но и в ряде случаев просторечно-нецензурные слова и обороты. Таковы, например, стихотворения Д. Чернышова «губы так пресны...», В. Богомякова «Мурмулеточка», И. Дудинского «есть одна растворимого кофе изольда...» [3].

Посвященная же Володе Тóлстому пьеса М. Волохова «Непорочное зачатие» (1992) полностью написана матерным языком и воспринимается как произведение пародийное, демонстрирующее, что отмена русского литературного языка ведет к эстетической убогости и самодискредитации.

Дело в том, что свою эстетическую роль ненормативная лексика способна играть в контрасте с лексикой противоположной окрашенности, а сплошной поток нецензурщины быстро утомляет и отталкивает своей тавтологией и стилистической монотонностью. Проделанный М. Волоховым эксперимент проясняет, почему неонатурализм в его чистой форме в русской литературе не укоренился.

На родине процессы, аналогичные *вивризму*, наблюдаются в постсоветский период в творчестве куртуазных маньеристов, у которых сексуально-эротическая тема главная. Новым у них явилось изобилие разнообразных деталей и сцен, воссоздающих плотские отношения мужчины и женщины, не избегая натуралистических подробностей. Максимальную раскрепощенность в данном отношении проявил В. Степанцов, каковой, не чураясь мата, высмеивал проявления разнузданно-дефективного в разрешенной, наконец, сфере сексуальной свободы.

После отмены в 1993 году в российском законодательстве статьи за гомосексуализм активизируется российская гейкультура – субкультура секс-меньшинств. Ее ближайший исток – творчество Е. Харитоновой 1960 – 1980-х годов, культ которого утверждается в этой среде. Есть у Е. Харитоновой, скажем, в «Романе», и натуралистические описания гей-отношений, отнюдь не идеализируемых автором.

Доминантным натуралистический принцип воссоздания альтернативной сексуальности становится в эмигрантском творчестве Я. Могутина конца XX – начала XXI века. Не случайно его книга стихов «Термоядерный мускул» (2001) имеет подзаголовок «Испражнения для языка». Детализированные описания совокуплений здесь выходят на первый план, чему соответствует использование ненормативной лексики, при соединении их с приемами авангардистской поэтики. Новизна Я. Могутина – в выявлении реальных человеческих качеств массовых людей, принадлежащих к секс-меньшинствам, тогда как заслуживающие того знаменитости в книге «30 интервью» оценены по достоинству. Натурализм служит у поэта средством сбрасывания с пьедестала необоснованно на него вознесенных.

Подобное пришло и в Россию. «На улице как бы весна и полный гомосексуализм [4, с. 323], – приводит В. Мидянин текст киберрекламы в повести «Плохо для шоу».

Современные писатели откликаются на агрессию массовой культуры, прогнозируя вытеснение из жизни с ходом времени литературы как таковой и утверждение в качестве главного вида искусства жесткого порно с садомазохистскими и зоофильскими сценами. Можно сослаться на романы «Нет!» С. Кузнецова и Л. Горалик, «Манарага» и «Наследие» В. Сорокина. Натурализм в соединении с фантастикой, гротеском, пародийной деконструкцией играет в этом случае осмеивающую роль и призван отвращать людей от распада.

Вообще натуралистическая прививка в русской литературе конца XX – начала XXI столетий – достаточно заметный фактор. Это резонировало как с необходимостью развенчания себя изжившего (и прежде всего тоталитарных порядков), так и с критической оценкой того негативного, что пришло в постсоветский период (превращение России 1990-х в криптоколонию, олигархизация страны, криминальная революция). Разные грани неприемлемого воссоздаются с привлечением поэтики натурализма в «[Голово]ломке» Гарроса-Евдокимова, «Порно» М. Елизарова, «Литературной жизни» О. Дарка, «Пожизненном заключении» И. Яркевича, «Цветке» Н. Садур, «Хиросиме» В. Сорокина, «Тактике индивидуального террора» В. Смирнова, «Убить нувориша» М. Павлова, «Посте» Д. Глуховского и других текстах.

Гипернатурализм – характерная черта «новой драмы» рубежа XX–XXI века при воссоздании жестокости в человеческих отношениях («Пластилин», «Черное молоко» В. Сигарева, «Кислород», «Бытие № 2» И. Вырыпаева, «Три действия по четыре картины» В. Дурненкова и др.). В соединении гипернатурализма с «неоисповедальностью» / автодеконструкцией и гротескными интеллектуальными метафорами фиксируется кризис антропологизма.

Подводя итоги, можно сказать, что в различных комбинациях с поэтикой других литературных направлений, течений, школ натурализм сопровождал развитие русской литературы на протяжении всего XX и начала XXI столетия, приближал ее к правде жизни, преодолевая существовавшие табу, содействовал тематическому и образному обновлению. Достижения конкретных авторов определяются степенью эстетического совершенства созданного, включающего в себя элементы поэтики натурализма, но без рискованных подчас экспериментов полноценное развитие литературы невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золя, Э. Собр. соч.: в 26 т. / Э. Золя. – М. : Худ. лит., 1966. – Т. 24: Из сборников «Что мне ненавистно», «Экспериментальный роман». – С. 239–525.
2. Пильняк, Б. Повесть непогашенной луны: Рассказы. Повести. Романы / Б. Пильняк. – М. : Правда, 1990. – 480 с.
3. Мулета S.: Семейный альбом. Москва–Ипорт. – М. : Вивризм (моск. отд.), 1992. – С. 77, 132, 147.
4. Мидянин, В. Плохо для шоу / В. Мидянин // 2084.ru: [сб.]. – М. : АСТ, 2018. – С. 299–372.

Поступила в редакцию 11.12.2024